

Алекс Эсмонт

Три сезона

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс ЭСМОНТ

Три сезона

«Автор»

2015

Эсмонт А.

Три сезона / А. Эсмонт — «Автор», 2015

Главный герой оканчивает курс в военном вузе и попадает в криминальную историю. О блестящих перспективах приходится забыть. Отныне он вынужден устраивать свою карьеру, зачастую не брезгуя ни средствами, ни связями. Кроме того, мысль о том, что кто-то из прежних друзей подставил его, не дает покоя, принуждая молодого человека к поиску виновного. Он хочет разобраться в подоплеке того темного происшествия, найти глубинный смысл и тайного оппонента. Однако «ссылка» в маленький городок отодвигает планы. Рядом с ним по ходу действия появляются довольно специфичные для российской провинции персонажи. В конечном итоге он находит «виновного», что еще сильнее разочаровывает его в прежних идеалах и в самой жизни. представлена I часть из VIII Содержит нецензурную брань (данное примечание обязательно по правилам сайта), однако в исключительных случаях, в контексте и с необходимым сокращением "..."

© Эсмонт А., 2015

© Автор, 2015

Алекс Эсмонт

Три сезона

Пролог

«Наш университет – одно из старейших учебных заведений России. Он перешагнул вековой рубеж не только в календаре, но и в собственной истории. Несмотря на это, умело сочетает традиции и новаторство. Штат укомплектован опытными преподавателями и молодыми сотрудниками, будущей элитой военной науки, выращенной в его недрах, – о чем я не без гордости могу здесь сообщить...

Мы предлагаем лучшие условия и перспективы. Всем известны наши уникальные разработки, индивидуальный подход, быстрое освоение званий... знаний... – оратор запнулся и слегка порозовел. – Выпускники вуза востребованы в различных структурах, отвечающих за безопасность страны... Мы занимаем видное место, мы на слуху, поэтому рады приветствовать вас в наших стенах, и открыть, так сказать, новый сезон... »

Это выдержка из речи ректора военного вуза..., выступавшего перед слушателями и абитуриентами на дне открытых дверей в сентябре 200... году. Нельзя сказать, чтобы она была пророческой, но, возможно, дала толчок и вложила «идею» в головы, в какой-то степени став поворотной для судеб некоторых университетских педагогов и их учеников, уже весной следующего года оказавшихся «на слуху» не только городском, но и общефедеральном.

В начале октября появилось предположение, что после достопамятной речи университетом заинтересовались не только (и не столько) будущие абитуриенты, но и вполне сформировавшиеся личности из структур, также отвечающих за безопасность государства. В конце месяца оно оформилось в полноценную новость, пришедшую (или лучше сказать – спущенную сверху) по официальным каналам в виде приказа за номером ...07, «о проведении проверки эффективности ... и т.д. и т.п. ». Впрочем, разного рода проверкам периодически подвергались многие вузы. Может статься, пришел черед и этого, но кое-кто уже тогда увидел в происходящем злой умысел...

В итоге, вместо обычной рутинной работы, преподаватели и руководство занялись подготовкой к приему комиссии: бумажной волокитой, генеральной уборкой, зачисткой документации, умыванием рук и затиранием конкурентов. В таких чрезвычайных условиях один из сотрудников университета (из тех, о которых упоминал в своей речи ректор), выращенный в его недрах и действительно подававший большие надежды в научном мире, выпускал свой первый, и как потом выяснилось, последний курс.

Шел пятый год обучения, многие курсанты оказались достойными последователями блестящего педагога. Об их перспективах говорили с нескрываемой дрожью (зависти) в голосе. Хотя, надо заметить, перспективы связывали не только с личными качествами молодых людей. Но Куратор взвода ВО... группы 99... мог быть доволен, и вполне был, до событий, начавших происходить, по удивительному совпадению, почти одновременно с появлением в вузе долгожданной комиссии.

Правильный курс (время воспоминаний)

Глава 1 Весенние обострения

В апреле следующего 200.. г. на кафедре ... военного университета, да и во всем учебном заведении царила атмосфера напряженного ожидания. Ждали неприятностей. Собственно, они уже случились без малого два месяца назад, однако многие предвидели и большие...

Из высших сфер военного ведомства была прислана комиссия, и весь преподавательский состав, учебный процесс и даже распорядок вуза подвергся жесточайшему разбору. Негативные оценки и отзывы были слышны еще на подступах к заведению. Чего же было ждать после того, как профессиональные «критики» переступили сам его порог.

Анатолий Васильевич Опарин, перспективнейший и молодой еще преподаватель, к тридцати пяти годам уже получивший кафедру вместе с чином майора, сидел в аудитории третьего этажа и мрачно разглядывал своих подопечных. Последний курс (и для него, возможно, тоже) – выпускники этого года, в количестве двадцати с лишком человек, располагались за столами, как на витрине. Знакомая за много лет атмосфера гипнотического полудрема воцарилась в кабинете с полчаса назад. Он и сам чувствовал, что засыпает. В другой раз офицер быстро положил бы конец сонной одуре курсантов, но сегодня перед ними выступал другой оратор.

Профессор чужеродного учебного заведения, посланный вместе с «ревизорами» принимать выпускные экзамены (т.к. составу этого вуза отныне не доверяли), скрипел не хуже новых кирзовых сапог, вновь выпущенных недавно известной в Москве дизайнерской маркой.

Почему, собственно, весь гнев высшего руководства пал на педагогов, многим из них до сих пор не было ясно. Ведь скандал разразился в связи с «деятельностью» студентов, к тому же в не учебное время... Однако, отвечать, похоже, предстояло наставникам. Людям с погонами и без. Число последних, кстати, могло сильно увеличиться по завершению проверки...

Куратор вяло размышлял сейчас на эту тему, хотя являлся одним из главных «ответчиков». А среди сидевших напротив него курсантов находились активные участники и, по некоторым сведениям, зачинщики безобразий, произошедших в конце февраля- начале марта.

Анатолий Васильевич с трудом развернул затекшую шею к окну. За ним блестело солнце, и весь снег уже недели две как сошел с земли, обнаружив под собой залежи хлама. Первокурсники убирали его, стуча лопатами и перекликаясь в университетском двореке.

Тогда же, 20-го февраля, за стеклами порхали снежинки. Стоял легкий морозец, хотя очередной циклон с Балтики, предвестник весны, был на подходе...

Куратор старался вспомнить, с чего же все началось. Воспоминания возникали постепенно, отодвигая от него реальность: кабинет, курсантов, занудного профессора, сотрясающего воздух. В какой-то момент сама атмосфера начала колебаться ему в такт, будто загустев, и вот события недавнего прошлого отчетливо предстали вновь...

Он убеждал тогда свой взвод пойти на какой-то патриотический фильм, приуроченный кинематографистами по традиции (и в надежде получить большую прибыль) к 23-му февраля, профессиональному празднику военных. Это было мучительно и, главное, бесперспективно, он знал заранее, но обязан был довести до сведения и успешно прорекламирровать шедевр. Перед ним лежала краткая онатация к премьере. Педагог прочитал ее про себя два раза, и все же находился в затруднении...

– На днях состоится культурный выход... Культурный – предупреждаю сразу...

– Только не надо нас пугать! – послышалось с задних рядов.

– Идут на эпическую ленту о героях войны 12-года... – он полистал бумаги, выданные ему проректором по воспитательной работе, – Прошу прощения – 14-го года, или 45-го?! – Куратор вопросительно взглянул на своего коллегу, принесшего листки, – тот отрицательно покачал головой, не дав однозначного ответа.

– Нашей эры?! – выкрикнул кто-то из левого угла.

Педагог сурово посмотрел на всех:

– Создатели обещают ни с чем не сравнимое зрелище. Масштабные съемки... спецэффекты... Кто **сам** желает посмотреть?

Тишина мгновенно восстановилась в кабинете.

– Мне нужно десять добровольцев, потом пойду по списку! – сообщил Куратор. (Гул недовольства со всех сторон). – Максим! – обратился педагог к одному из любимцев, кудрявому (что было заметно, несмотря на короткие волосы) молодому человеку за третьим столом. – Ты не хочешь пойти?

– По списку?!

– Посмотреть фильм!! – отчеканил Анатолий Васильевич.

– А вы – хотите? – удивился Максим. – Это ведь вечерний сеанс? – уточнил вдруг парень.

– Полагаю – да! – пожал плечами педагог.

– А я в девять уже спать ложусь...

– Артем, а ты?

– А я – нет!

– Фильм смотреть будешь? – Куратор начал выходить из себя, что всегда случалось, когда ему приходилось исполнять общественные поручения. Неожиданно раздался стук, и в кабинет ворвалась маленькая пухлая женщина, преподаватель иностранного языка.

– Сидите, сидите! – радостно помахала она рукой коллеге, который и не собирался вставать. – К нам только что прибыла новая техника: кое-какая мебель, компьютеры. Старшие курсы *призываются* на разгрузку... – женщина хихикнула. – Я должна взять у вас троих человек... – жеманная улыбка осветила круглое лицо.

– Выбирайте! – предложил ей Опарин, испытав душевное разочарование от небольшой цифры «призывников». Но дама подошла к делу со всей щепетильностью. Отобрав целых десять минут от учебного времени и пятерых из предполагаемого мысленного списка Куратора, она еще раз махнула на прощанье ладошкой, и скрылась в дверях, оставив после себя стойкие цитрусовые «нотки». К слову, именно эти счастливицы, попав под ее «иностранное» обаяние и влияние, впоследствии оказались единственными, кто избежал неприятностей, обрушившихся на взвод.

– Хорошо! – встал педагог из-за стола, с удовольствием потирая ладони. – Пятеро ушли в минус. Восемь едут на выходные к родственникам за город, поэтому освобождены от иных увеселительных поездок. Остальные присутствующие проведут этот вечер со мной... – он не менее ехидно осмотрел зал. Вверх снова взметнулась рука. – В кинотеатре! – педагог поспешил снять любые вопросы. – Как все отлично сложилось! И список не нужен! Там мягкие кресла, там темно, тепло и можно отлично отоспаться! – он потрепал ладонью по плечу кудрявого курсанта, наслаждаясь его вытянувшимся лицом. Анатолий Васильевич еще не знал, насколько ошибался в своих предположениях.

Сам Куратор идти отнюдь не собирался. Несмотря на заманчиво расписанные перед курсантами перспективы зрелищного просмотра в его компании, он давно сочинил предлог, чтобы отделаться от обязательств.

Выйдя из аудитории, педагог быстро спустился по лестнице на нижний этаж. В проеме, от которого начинался длинный коридор, заканчивавшийся кабинетом ректора, стояла небольшая группа людей. Три офицера и та самая преподавательница иностранного. Она едва доставала собеседникам до плеч своим золотистым начесом, издали напоминаяшем поседевшую шапку шотландских гвардейцев, однако ни коим образом не робела в их присутствии. На стоящей колом, почти горизонтально полу, груди радужными красками переливалось очередное ожерелье. «Гора самоцветов» – было давно прикрепившимся к ней прозвищем, ходившим среди мужской части коллектива. Авторство, как и большинства других «кличек», приписывалось Куратору, что он, впрочем, никогда не подтверждал, несмотря на очевидный успех.

Неизвестно, знала ли сама «мишень» его острого языка об этом, но стилю не изменяла. Сейчас она приятно розовела и, оживившись, стреляла глазами то в одного, то в другого собеседника. Два офицера очаровательно улыбались в ответ. И только проректор по воспитательной работе Платон Ливнев, застывший напротив, в некотором отдалении, был как всегда чем-то недоволен. Его ноздри расширялись и подрагивали не от окутавшего всех запаха «сочного мандарина», исходившего из центра этой компании. Он явно не испытывал теплых чувств к преподавателю иностранного языка. По мере того, как розовели щеки, лоб и даже напудренный нос чаровницы, проректор бледнел и меркнул. Как будто все краски, высасываясь из него, перетекали в яркую даму.

– Вы жалуетесь, что весной студенты становятся невыносимы?– говорил один из ее визави.

– Особенно невыносимы! – поправила она. – Наверняка, всему виной перепады температуры, организм перестраивается. Ну и естественные процессы никто не отменял. Вчера, к примеру, они пролежали на столах почти всю лекцию...

– Они лежат на «столах» постоянно, и не только весной!– заметил другой педагог.

– Особенно на иностранном языке! – вставил начальник по воспитательной работе, сверкнув очулярами, делавшими его похожим на интеллигентного маньяка.

– Что вы этим хотите сказать? – возмутилась малышка, – она перешла из педвуза, что ей часто ставили в упрек.

– Вам не хватает строгости. – мягко заметил второй педагог. – Не забывайте, что это не дети, а курсанты и будущие офицеры! – он улыбнулся, и дама моментально раскраснелась в ответ.

– Кто конкретно лежал?! Имена, фамилии...– проректор живо вынул из своей папки тетрадь и занес над ней перо, как орудие для приговоренных. Чаровница забеспокоилась:

– О, если здесь моя вина, то не нужно перекладывать ее на студентов. Я все еще не могу с ними сурово обходиться... – она невинно заморгала блестящими глазами. Хотя не далее как вчера, на последней паре Куратор слышал свирепый визг за перегородкой, разделявшей их кабинеты, и не был склонен приписать странный звук кому-либо из мужской части коллектива.

– Но, в конце концов, существует Устав! Порядок... – не унимался «воспитатель».

– Который, похоже, в самом скором времени подвергнется существенным изменениям... – перебил его Куратор, подходя к обществу. Все обернулись. Дама стала совершенно пунцовой. – На членов комиссий атмосферное давление, боюсь, не повлияет. Они и сами способны *надавить*. И невыносимы в любое время года.

Раздались приветственные возгласы.

– К ректору?– спросил педагог-картограф, пожимая Куратору руку.

– Да. Хотел вот узнать, кого возьмут в «конвой» для культурного выхода. Чтоб отказать заранее...

– А его сейчас нет на месте. – ответил воспитатель, пристально разглядывая Куратора. – Он будет после шести!

– Отлично! – вздохнул Анатолий Васильевич. – Правда, к тому времени я уже поведу группу на сеанс, который вы нам запланировали...

– Но это входит в воспитательную работу. Им полезно патриотическое кино. Особенно – вашим! – повысил голос проректор. Куратор болезненно сморщился.

– Не знаю, чему нынешние фильмы могут научить молодежь? – пожал плечами другой офицер.

– У вас есть шанс прояснить это сегодня!– повернулся к нему воспитатель. – В «конвое», как выразился уважаемый Анатолий Васильевич, не хватает двух персон. И потом – это отечественный *блокбастер*. – он нажал на последнее слово, как будто оно было решающим в споре. – Сразу два министерства дали отличную характеристику...

– Вериться с трудом. Сужу по предыдущему опыту... – настаивал офицер.
– Но обещают нечто новое! – не отступал проректор.
– Такое ощущение – что он с ними в доле... – пробормотал картограф из-за плеча Куратора.
– ...Масштабное зрелище со спецэффектами. Во-всяком случае, бюджет впечатляет! – воспитатель начал рыться в бумажках, подняв очки на лоб.
– Если бы у армии был такой же, она бы представляла не менее масштабное зрелище, – заметил Куратора.
– В этом году нам точно понадобятся спецэффекты... и много, – подтвердил вдруг картограф, даже как-то прихрюкнув со смехом, – чтобы впечатлить аттестационную комиссию. Иначе масштабы вуза сильно урежут!
– Как и бюджет! – согласился с ним Куратор. Офицера громко рассмеялись.
Воспитатель безмолвно раскрыл рот, будто услышал нецензурщину, затем его захлопнул. Оглядел всю компанию, и не говоря ни слова, неожиданно отклонялся.
– Боюсь, он не правильно нас понял. Как всегда... – заметил картограф, настороженно глядя ему вслед.
Это было почти пророческое сообщение. Куратор не удивился, узнав после, что оба офицера, присутствовавшие при разговоре, тоже отправились в кинотеатр, составив ему компанию на злополучный вечер. Видимо, их воспитание удручало проректора не меньше, чем воспитание студентов...

Ехали в трамвае. Автобусами вывозили только младшие курсы. Расплатившись с кондуктором, офицеры встали в середине вагона, чтобы видеть оба его конца:

– Кругом – одна «серость»!! – сообщил друг куратора, схватившись за поручни, так как трамвай начало сильно трясти. Он злобно глядел в замерзшее окно. – Я только не понимаю, почему ЕЕ не отправили вместе с нами?!

– Да! Она бы очень украсила! – улыбнулся Куратор, вспомнив розовое лицо.

– Не в этом дело. – отмахнулся товарищ. – Где справедливость? У меня забрали целую пару – а стоило бы отобрать у нее! Все равно от этих лекций проку нет! Учат их иностранному языку в школе, затем в университетах. И в результате, кроме – *du hast mich* – они ничего не в состоянии повторить... И это, надо отметить – не наша заслуга! Нынешний концерт продолжит традицию такого обучения...

Весь вагон был оклеен афишами предстоящего нынче в городе выступления известной западной рок группы, которая, совершая мировое турне, и следуя из Азии в Европу, почему-то решила десантироваться на сутки в Северной столице.

На матовой поверхности стекла кто-то из пассажиров нацарапал кривую рожу с улыбающимся ртом. Картограф с негодованием уставился в его темное отверстие: – Как бы не проехать! – пробормотал он вслух. Только через этот очищенный участок были видны проносящиеся мимо улицы. – Я почти выбился из графика! – продолжал он бубнить. – Пускай на исторические фильмы водят институты искусств!

Офицеры ехали уже минут пятнадцать, изрядно намяв себе и другим бока.

– Все оплатили проезд? – мимо снова протискивался кондуктор. – Повторить нет желания?!

У Куратора не было. Поэтому он поспешил вывести своих подопечных на следующей же остановке. По счастью, они, наконец, прибыли на место. В полном негодовании, но не в полном составе...

Глава 2

Скверное дело

Четверо курсантов все-таки «не доехали» до кинотеатра, где должен был демонстрироваться эпохальный фильм. Под предлогом их поиска старшие офицеры, сопровождавшие группу, решили проверить соседний зал – не перепутали ли студенты. Свет там уже пригасили, шли начальные титры очередного американского блокбастера. Осматривая зал со всей щепетильностью, присущей только военным, до момента, когда входные двери в него не закрылись и не найдя, разумеется, в числе зрителей других людей в форме (кроме себя), они решили там же и остаться. Предложение одного из коллег попросить билетершу выпустить их, было встречено весьма скептически:

– Успокойтесь! Пути к отступлению перекрыты не только нам. – картограф указал на массивные силуэты в униформе у каждой двери. – Мы в окружении... Поэтому, будем дожидаться общего выхода. Курсантам некуда деться, – злобно прошептал он.– Отечественный фильм закончиться даже на полчаса позже... Успеем всех перехватить!

Решив остаться на месте, офицеры провели два часа за просмотром новой американской истории. Факт окружения, кстати, не помешал им пару раз отлучаться за провизией к буфету. Причем подкрепились столь основательно, что едва дотерпели до титров. Через час после окончания всех сеансов, офицеры распивали пиво у одного из ларьков, на привокзальной площади рядом с кинотеатром. Среди них был и Куратор.

– На мой взгляд, – говорил его приятель, – чтобы не снимали американцы: викингов, римлян или пришельцев, у них, в конечном итоге, все равно получается Робин Гад. К этим лицам подходят лишь трико в обтяжку и стрела, торчащая из них...

– Только одна стрела? – переспросил Куратор, улыбаясь, помешивая пену в стакане.

– Мне объяснить вам?! – лукаво скривил физиономию картограф.

– Не надо! Я ем! – поперхнулся Анатолий Васильевич.

– Все истории однотипные, никакого разнообразия, живости характеров. Очевиден застой! – продолжал расписывать офицер. – Я уже не говорю о том, что видеть физиономию, которая еще вчера рассуждала в рекламе о достоинствах кетчупа, а сегодня выкрикивает свои реплики так, что любой гастроэнтеролог рассмотрит внутренности без зонда, и вытворяет жуткие вещи с причиндалами сценарного врага, просто страшно!

– А я не боюсь американцев! – сообщил вдруг третий и оба товарища разом посмотрели на него. – Люди, берущие представление об окружающем мире из голливудских фильмов нам не опасны...

– Но они могут посмотреть и наши фильмы... – заметил Куратор.

– Вряд ли это случится... – скептически покачал головой тот. – И потом, иностранцы ведь ничего не поймут, не вытерпят философских отступлений. А наши паузы... это просто не безопасно! Да они заснут и подавятся попкорном... – резюмировал педагог. – Я и сам едва не подавился им сегодня!

– Я не видел, чтобы вы спали... – прищурился картограф.

– О нет. Лишь взял самое большое «ведро» этой жареной кукурузы! Брать же энергетики выставленные на продажу в баре для имбицильных подростков я не решился. Пришлось жевать всухомятку, а у меня – язва. – офицер осушил бутылку минеральной воды, и пошел за следующей к ларьку.

– Это видно и без зонда! – пробормотал Куратор ему вслед, припомнив раздраженный характер высказываний офицера. – Хотя к бару он выбежал чаще остальных...

– Кстати, – сообщил приглушенно его приятель, – мне показалось, что во время второго «выхода», я заметил в фойе проректора. Он караулил там курсантов у сортира. Пришлось быстро возвращаться. Было бы смешно, если б вместо них, поймали нас.

– Но, он вас не заметил? – переспросил Куратор настороженно.

– Видимо нет! А то бы мы снова – получили... – хихикнул картограф, но не успел уточнить что именно.

– В наше время «получить» можно от кого угодно, и что угодно... – послышалось позади. Оба вздрогнув, обернулись, – Кроме сдачи в привокзальном ларьке! – это гремел, тряся купюрой в воздухе, их товарищ. Ему отказались разменять, и он возвращался к ним с пустыми руками.

Совсем скоро оба приятеля вполне убедились в правомерности его утверждения. Они покидали вокзал, когда уже стемнело. Распрощавшись с болезненным коллегой, направились на запад города, к заливу, бредя через толпы молодежи, спешащей на концерт.

Афиши и здесь смотрели на прохожих почти с каждого столба, высвечивая, ставшей впоследствии символичной, датой. «Всего один день в нашем городе», – огромными буквами был выведен слоган под ней, до боли напоминая рекламу распродажи социальных товаров.

– И все-таки интересно, куда это *наши* пропали? – задал неожиданно вопрос об отсутствовавших курсантах друг Куратора. Тот немного помолчал, дожидаясь, когда очередной резкий порыв ветра успокоиться.

– Я вам так скажу: куда бы эти четверо не пропали – они нигде не пропадут... – ответ снова потонул в гулком звуке надвигавшейся стихии.

Согревшись после двух бокалов, Куратор ощущал некую благодать и прилив сил, кроме того, все еще находился под впечатлением от заграничной жизни, увиденной на экране размером с трехэтажный дом (примеряя ее, как это часто бывает, к себе). Только этим, впоследствии, он мог объяснить свои спонтанные действия в тот вечер.

Идти было не далеко, оба жили в новом комплексе, построенном в самом центре. Однако, порывы ветра, признаки надвигающегося с моря циклона, буквально сносили с обледенелой мостовой. Фалды шинели то раздувало, то обматывало вокруг колен, затрудняя ход. Сырость начинала пробираться внутрь. Толпы гудели и с заметным неодобрением смотрели в сторону людей в форме, даже военной.

Чтобы сократить дорогу, офицеры свернули на боковую улицу, проходившую через маленький сквер с мемориалом. За сквером возвышались новые высотки, конечный пункт в их пути.

Несмотря на незначительные размеры памятника, к нему в нынешнем году успели приделать некую стелу, уродовавшую монумент, но видимо, по соображениям властей дополнявшую их личный образ отцов города излишним патриотизмом.

У единственного фонаря, освещавшего центральную часть мемориала, стояли люди и что-то громко обсуждали. Куратор слегка прищурился – дул сильный ветер, гнавший с севера ледяную крупу вместо снега. Все мероприятия в таких местах, в придверии военных и около военных праздников, как он знал, проводились либо накануне, либо на самую торжественную дату (а до 23-го было еще три дня). К тому же – в светлое время суток. Это уж общая практика. Значит, люди собрались в парке без официального, и главное – разрешенного повода.

У него не было никакого желания проявлять интерес и, придержав фуражку, которую срывало с головы, Куратор поспешил покинуть место чужого уединения, потащив за собой приятеля. Однако, в тот же миг к нему кинулась невысокая фигура. От неожиданности он прибавил скорость, но ее рост и явно не мужские очертания, заставили остановиться.

Это действительно оказалась женщина и очевидно, пенсионного возраста. Скрипучий голос подтвердил гипотезу. Из ее слов педагог понял, что она только что выявила нечто противоправное и аморальное, и просит восстановить порядок.

В принципе, это самое распространенное требование пожилых людей. В нем не было бы ничего необычного, если б оно не относилось прямо к нему. Куратор нехотя глянул туда, куда

указывали шерстяной варежкой. Тем более, что направление уже было знакомо. Пришлось признать, что пенсионерка права. От этого открытия ему стало еще неприятнее.

На одной из мраморных плит, хорошо освещенные, бросались в глаза атрибуты незаконного пикника. Пачка сигарет, несколько алюминиевых баночек и одна прозрачная были расставлены в геометрически правильный полукруг. Рядом лежал развороченный пакет с чипсами или сухарями. Молодые люди, хоть и с рюкзаками на плечах, но, судя по небритым тупым лицам, завершившие свое учение еще в классе 7-м средней школы, окружали урбанистический натюрморт и не спешили его оканчивать.

Куратор поразился храбрости и легкомыслию пожилой женщины, рискнувшей пресечь беззаконие самостоятельно. Однако, от общей массы теней отделилась еще одна, и с тем же скрипом подтвердила просьбу.

Две пенсионерки – конечно сила. Но если бы они наседали на молодежь, а не педагогов. В нашей стране, зачастую, даже свидетелем быть опаснее, чем виноватым. Куратор с коллегой переглянулись, не зная, что предпринять. Парни у фонаря с ухмылками ожидали их действий.

– Уберите свой мусор отсюда! – прогремел друг Куратора, перекрывая вой ветра.

– Доедим и уберем!.. Возможно... – гнусаво прозвучало в ответ.

– Нашли место! – попробовал возмутиться он.

– Нашли... – легко согласились те.

Их ухмылки все меньше нравились Куратору:

– Между прочем, памятник посвящен не только военным, но и гражданским защитникам города... – заметил он. – Возможно, что и твой предок здесь лежит!

– Сейчас ты рядом с ним ляжешь!

Послышался хрюкающий смех. Но не успел Куратор разозлиться, как его опередил визгливый крик – пенсионерки нападали: – Это что за намеки!!! – повысив голос едва ли не до ультразвука вопрошала первая.

– Намекают девкам! – упорствовала под фонарем одна особо темная и крючковатая фигура.

– Парни, вы, кажется, перегибаете палку! – вторил хору голосов картограф, явно позаимствовав обращение из американской ленты.

– Он перегнет ее на твоей шее... – опять смех, еще громче.

Анатолий Васильевич судорожно вздохнул... Войти в контакт! Этого-то педагог больше всего и опасался. Не хватало только связаться с уличной шпаной. Конечно, они оба довольно крепкие мужчины, но надолго ли теперь... А новая форма. Почти новая... Благополучно отбитая в прошлом году у моли шинель! На шелковой подкладке! (Гоголевская история всплыла ни к месту!)

Картограф между тем не унимался: – Дубина с дубиной? – задал он самый ненужный вопрос. Куратора бросило в жар. А если на него ответят. Ему легко говорить, он в позапрошлом году в ватнике, такие скоро спишут в утиль. Педагог напряженно вглядывался. Действительно ли есть «дубина», и у кого...

Вдали вдруг раздалась перекаты, похожие на начало грозы. Он решил, что ослышался. Однако, перекаты продолжались, улавливалась мелодия. Теперь они стали походить на пение тысяч глоток. Куратор вспомнил, что недалеко от парка находился стадион. Там проходил футбольный матч. И судя по неподходящему времени года – европейской Лиги. Какой-то клуб добрался до четвертьфинала. Сейчас он радовался этому меньше всех, ведь доберутся ли они благополучно до дома было совершенно не ясно. Обычно, те, кто не попадал внутрь стадиона, свирепствовали особо яростно.

За пределами парка рванула петарда, затем другая. Вспыхнул малиновый файер, как сигнал к действию. Но активность проявили не военные. Маленькая тень бросилась к плите и одним махом смела с нее весь скарб... Пустая бутылка откатилась прямо под ноги Куратора.

Он отпрянул от нее, как от чего-то мерзкого. Его товарищ среагировал быстрее и отменным ударом левой запустил тару в дальний сугроб.

– Ты че творишь? – крикнул тиффози, и вся компания с угрожающим видом, наконец-то, отделилась от плиты.

На стороне «добра и справедливости», так сказать, случился небольшой переполох, необходимо было занять более удобную позицию. Как для нападения, так и для отхода... Защитники монумента, похоже, выбрали последнее. Хотя отступить с женщинами на руках было не ловко. Во всех смыслах...

– Милиция! – разнеслось по скверу. Да, стоило признать, что эти защитники сейчас были бы гораздо более к месту. Старушки радостно замахали шерстяными варежками. Куратор скривил лицо не только от неприятного звука, но и упоминания. Однако в следующую секунду удивление отразилось на нем. В конце заметенной дорожки появились патрули... Еще одни люди в форме. Теперь их число превышало силы противника, и футбольные фанны все же решились покинуть насиженное и заплеванное место, пересмеиваясь, но матерясь...

– Вы ничего не забыли?! – крикнул им вслед осмелевший картограф. Горку мусора у памятной плиты разносило ветром. Куратор с досады закусил губу.

– Небеспокойся! Тебя – не забудем! – услышали они сквозь вой ветра. – И приятеля твоего!

После этих угроз там, кажется, секунду размышляли, не вернуться ли, но к пылающему файру спешили все новые группы блюстителей порядка, и фаны исчезли.

Через пять минут педагог, выйдя на широкий проспект, смог вдохнуть холодный ветер полной грудью и успокоиться. Этот мемориал едва не стал памятью и о нем самом. Офицеры вышли из опасного района, зарекаясь на будущее посещать подобные места в столь неблагоприятное время. Знали бы они, что станут сигнальным маячком, на который слетятся новые жертвы.

Глава 3

Исторический документ

Тогда у него сильно разболелась голова, и праздники он провел плохо. Ему казалось, что все вместе стало причиной: плохой длинный фильм, пиво на вокзале и, конечно, неожиданная стычка в парке. В ответ им тем вечером прилетел лишь снежный ком...

Сейчас он вновь ощутил тупую боль в затылке и, вздрогнув, отогнал воспоминание. Уж не заснул ли, так живо все представилось. Куратор быстро огляделся. Он по-прежнему сидел на кафедре в своем кабинете. Разморенный апрельским солнцем, в купе с четырьмя батареями отопления и осязаемым присутствием тридцати человек, под дребезжащий голос декламатора и нарастающее шуршание слушателей, педагог на какой-то миг, как ему показалось, действительно отключился.

Привело его в себя необычное происшествие. Сначала он *это* не увидел, а скорее – почувствовал. Легкое дуновение ветра в натопленной аудитории. И вслед за ним – белый смазанный хвост (как тогда, в феврале), от летящего по воздуху предмета. К ужасу Куратора, на этот раз предмет летел не в него...

Скомканный листок бумаги кокетливо стукнул дремавшего, самого древнего из присутствующих профессоров в лысый (и от того, еще более высокий и умный) лоб, после чего, отскочив, приземлился на колени.

Куратор понадеялся, что профессор не проснется. В конце концов, первые годы его работы по аудитории летали и более серьезные предметы. Но тот как ждал, встрепенулся. Разглядел комок, повертел в шишковатых пальцах, и посмотрел на притихших курсантов неожиданно лукавым взглядом:

– Я, конечно, все понимаю, – заявил он, – военный университет, нехватка женского общества, а потому мишеней для подобных знаков внимания мало. В смешанных группах эдакая корреспонденция очень даже распространена. Но ни разу за всю мою карьеру преподавателя в меня не попадали намеренно, только – случайно! Что же тут такое может быть? – он начал разворачивать бумажку. Но прежде чем это сделал...

– Прошу прощения... – Куратор оказался рядом и, зависнув над старичком, протянул настойчивую руку.

– Это – ваше?! – изумился профессор.

– Упало со стола.

– Далеко падало! – хихикнул тот, передавая лист.

– Бывало и дальше... – заверил Куратор, покраснев. (Может, от того, что ему пришлось наклоняться. Несмотря на относительную молодость и стройность, лишние килограммы уже давали себя знать.) Сев за свой стол, и попросив профессора продолжить, он расправил листок, оглядел курс зловещим взглядом, после чего прочел следующее:

«Откуда есть пошло слово Бл-дь на Руси».

Едва не выругавшись сам и покраснев так, что в висках опасно застучало, куратор продолжил чтение. Короткий отрывок был выдержан в древнерусском летописном стиле, написан печатными буквами, некоторые слова были выведены на старинный манер, с Ъ в окончаниях:

«Ехал как-то со званого пира домой Великий князь Московский. А на дороге большой камень лежал. Не заметил его князь, споткнулся, упал и два передних зуба вышиб. Вскочил он на ноги да как закричит, указывая свите на валун *матовый*: – Убрать!! У-брать!

Только вместо «убрать» у князя теперь – «ублять» получалось.

– Ублять! – кричит князь, ногами топает. – У-у-блять!!

Бояре смутились, убрали камень, но слово князево запомнили. А под конец для пущей тверди дурной смысл буквой «д» – закрепили. Отсюда и пошли обозначать то (или – тех), кто не на своем месте торчит и продвижению мешает».

В отличие от бояр, Куратор не смутился. Углубившись в непростое чтение, он едва не пропустил окончание речи профессора. В аудитории воцарилось напряженное молчание. Куратор поднял глаза от листка. Все присутствующие смотрели на него. Годы тренировок научили педагога скрывать любые эмоции. Подоткнув листок тяжелой папкой, он встал из-за стола и поблагодарил членов комиссии за подробный рассказ о том, насколько усложнялись для курсантов экзамены в этом году. На практически библейское предупреждение профессора, что каждый «получит свое», Куратор с обаятельной улыбкой заметил:

– Некоторые из присутствующих даже раньше, чем думали! – он опять поправил папку, под которой лежал листок, так чтоб все видели это.

Профессора не спеша, с достоинством больного подагрой, направились к выходу. Куратор уже решил, что благополучно проводит их. Однако, в ту же секунду дверь кабинета распахнулась, и в нее, не выпустив профессоров, влетели два курсанта. Произошла заминка. Их появление вызвало восторг не только у сокурсников, но и членов комиссии. Куратор поспешно пояснил, что оба молодых человека не являлись злостными прогульщиками, а находились на дежурстве.

– В таком случае, вы донесете до них то, о чем мы говорили. – с некоторым разочарованием проскрипел главный из профессоров.

– Не уверен, что смогу это сделать также занимательно, как вы. Но основные мысли непременно. Включая последнюю из них.

Когда в кабинете, наконец, остались только «свои», Куратор поднялся на кафедру. Вынул лист и, держа его на весу за край двумя пальцами, как заразу, задал главный вопрос, мучивший его последние десять минут: – Чье сочинение?

Курс снова оживился, и попросил прочесть его вслух.

– Я не стану этого делать! – отмахнулся педагог.

– Тогда как мы узнаем?!

– Ну, может, есть какие-то предположения? У меня, кстати, и кандидатуры имеются! Максим?! – Куратор повернулся. Один из двоих, только что вошедших в кабинет курсантов встрепенулся. – Твое... послание?

– Нет! И я понятия не имею, что в нем! – быстро ответил тот.

– Правда?

– Меня здесь даже не было! – возмутился молодой человек, глядя ясными очами.

– Это еще не означает, что не ты автор! – резонно вставил Анатолий Васильевич.

– Почему же именно – я! Оно ведь без подписи!

– Откуда ты знаешь, что без подписи, если не читал? – мгновенно насторожился Куратор.

– Если бы было с подписью, вы бы не спрашивали – «кто»! – закатил глаза под белый лоб Максим. Куратор недовольно поджал губы.

– А те парни не могли сами его потерять? – предположил курсант, показывая на дверь, в которую вышла комиссия. Реплика вызвала смех. Один педагог раздражался:

– «Те парни» будут принимать экзамены! – отчеканил он, – Проявить к ним уважение – в ваших интересах!

– А в ваших?...

Куратор уселся за стол, громче обычного пододвинув под себя стул. Да, члены комиссии у всех преподавателей вызывали стойкую неприязнь. Впрочем, студенты, сидевшие напротив, сейчас, – тоже. Его курс был крайне не простой. Мало того, что он первый в педагогической карьере Куратора, это еще и особый «набор». О чем сам ректор пять лет назад предупреждал своего протеже в личной беседе.

Нельзя сказать, чтобы курсанты были трудными «подростками», юнцами со сложной судьбой. Скорее «сложными» были их родители. И «сложными» именно в том смысле, что – «не простыми». У большинства либо один ближайший родственник, либо сразу несколько, занимали высокие посты в ведомствах, и не только в военных. Так называемые «династии»... С некоторых пор, для творческого коллектива вуза это слово стало ругательным.

Самый высокий пост из всех занимал родитель кудрявого Максима, как всегда, без страха сидевшего даже за первым столом в любом из десятков кабинетов. Впрочем, парень никогда не хвастал, а вначале щепетильно скрывал то, что всем с первых дней итак было хорошо известно. И хотя отец Максима, выдающийся экономист, автор и разработчик *инклюзивных* программ развития, как раз не являлся военным, он именно поэтому заслужил в их среде еще больший авторитет.

Зато родня остальных носила погоны со звездами, позволяя себе откровенно вмешиваться в учебный процесс. Дед Артема Тынякевича, к примеру, служил военным медиком. Возглавлял соответствующее всесоюзное, а затем – федеральное заведение, и мог вмешиваться не только в учебный, но и многие другие «процессы», нередко происходившие с теми, кто давал присягу, включая педагогов. Генералы проходили через его руки, еще будучи рядовыми...

Первые два года Куратору стоило больших усилий исполнять по отношению к своему курсу непосредственные обязанности. И не только по причине молодости и неопытности.

Недружественная атмосфера долго стояла в рядах. Некоторое социальное расслоение, в буквальном смысле мешало равнению. Строй был далеко не стройным. Вуз не мог дожидаться дня, когда выпустит из себя беспокойное «образование». А до того момента буквально бурлил, будто переваривая не совсем то, что подходило его организму.

И вот, на последнем году обучения, в самом конце, эти славные фамилии все же прославили и университет, который вдруг стали ассоциировать с почти уголовным преступлением... Присланная в ноябре комиссия, наконец, занялась делом, подвергнув унижительной проверки весь вузовский состав.

Педагог передернул плечами и осмотрелся. На предпоследнем столе, за спинами своих товарищей, распростерся курсант. Куратор не раз бросал на него беспокойные взгляды. Однако беспокоился он отнюдь не за здоровье последнего.

– Тынякевич, вам плохо? – не сдержавшись, вдруг перебил он всех.

– Нет! – дернулся тот.

– Тогда выключите телефон, и успокойтесь! Вы уже час лежите на столе. – слегка преувеличил педагог. – Я думал, что нам пора врача вызывать!

– Все в порядке! – заверил его Артем Тынякевич. – Хотя, надо заметить, эти профессора, настоящие энергетические вампиры! Просто высасывают все соки из нас...

Аудитория согласно зашумела.

– Ну, этот процесс – обоюдный! – заметил педагог.

– Проректор – вот кто вампир в чистом виде! – громко вставил Максим. – Верно, Артемий... – он развернулся назад.

– Я всегда ощущал негатив, исходящий от него! – подтвердил второй курсант.

– И фингал – результат этого ощущения? – прищурился Куратор. На лице молодого человека действительно разлилась синева.

– Я вербально ощущал... Пусть только попробует тронуть меня пальцем! – Артем сделал значительный жест.

– Не уверен, что это в его планах! Однако, ты уходишь от ответа! – заметил педагог.

– Как и всегда на ваших занятиях! – вставил жизнерадостный узкоглазый курсант за передней парте. Куратор поблагодарил его кивком: – Так откуда пятно? – опять обратился он к Артему.

– Оно ... аллергического характера... – курсант запнулся.

– Оно – синее!

Педагог минуту рассматривал его. Артем беспокойно ерзал на стуле, и от этого трения, фингал, почему-то, становился еще ярче и выразительнее.

– Эрик Кудасов прав. – констатировал Куратор. – Ни на один свой вопрос я не могу получить ясного ответа. И все же, пока здесь находится госкомиссия. Пока эти... – он впервые замялся, и курсанты с пониманием восприняли паузу, – ... проверяющие, действуют на территории вуза (он едва не сказал – страны). Сидят на тренировках, занятиях... и даже в столовой, прошу вести себя в соответствии с высоким званием, которое вы уже носите, – (Артем жалостно посмотрел на букву «К», на своем погоне), – ... являясь частью, всем известного и уважаемого, несмотря ни на что, не только у нас, но и за рубежом, заведения...

Он оглядел изуродованные его мыслью лица курсантов, насладился этим зрелищем, но почувствовав, что и сам несколько «размягчился» от сказанного, перешел к главному:

– Поэтому, я надеюсь, и имею основание, что в ближайшее время никто из вас не пострадает от рук буйных фанатов, нездорового питания, плохой экологии... и т.п. Поставив в прямую зависимость от этого имидж университета. Вообще, все вы обязаны выжить, и без какой-либо видимой ущербности, кроме той, с которой поступили сюда пять лет назад, дожить до аттестации не только своей, но и вузовской. Мой совет – ведите уединенную, даже в чем-то аскетичную (не буду уточнять, в чем именно, все знают), заполненную только учебной литературой и тренировками жизнь. Осталось всего три месяца...

– И как, спрашивается, после такой защиты диплома, еще и Родину защищать?! – заявил Максим.

– Какой – такой?! – снова начал раздражаться Куратор.

– На вынос мозга... – курсант выпучил глаза.

– Но вы же не десантники! Вам никто не предлагает кирпичи об голову разбивать!

– Скорее, голову о кирпичи! – тут же поднялся гогот.

Куратор беспокойно глянул на дверь в коридор. Инициатива постепенно уплывала из его рук, словно переходящее знамя победы, но поле битвы нужно было оставить за собой, поэтому он прибегнул к главному оружию, безотказному как калашников:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.